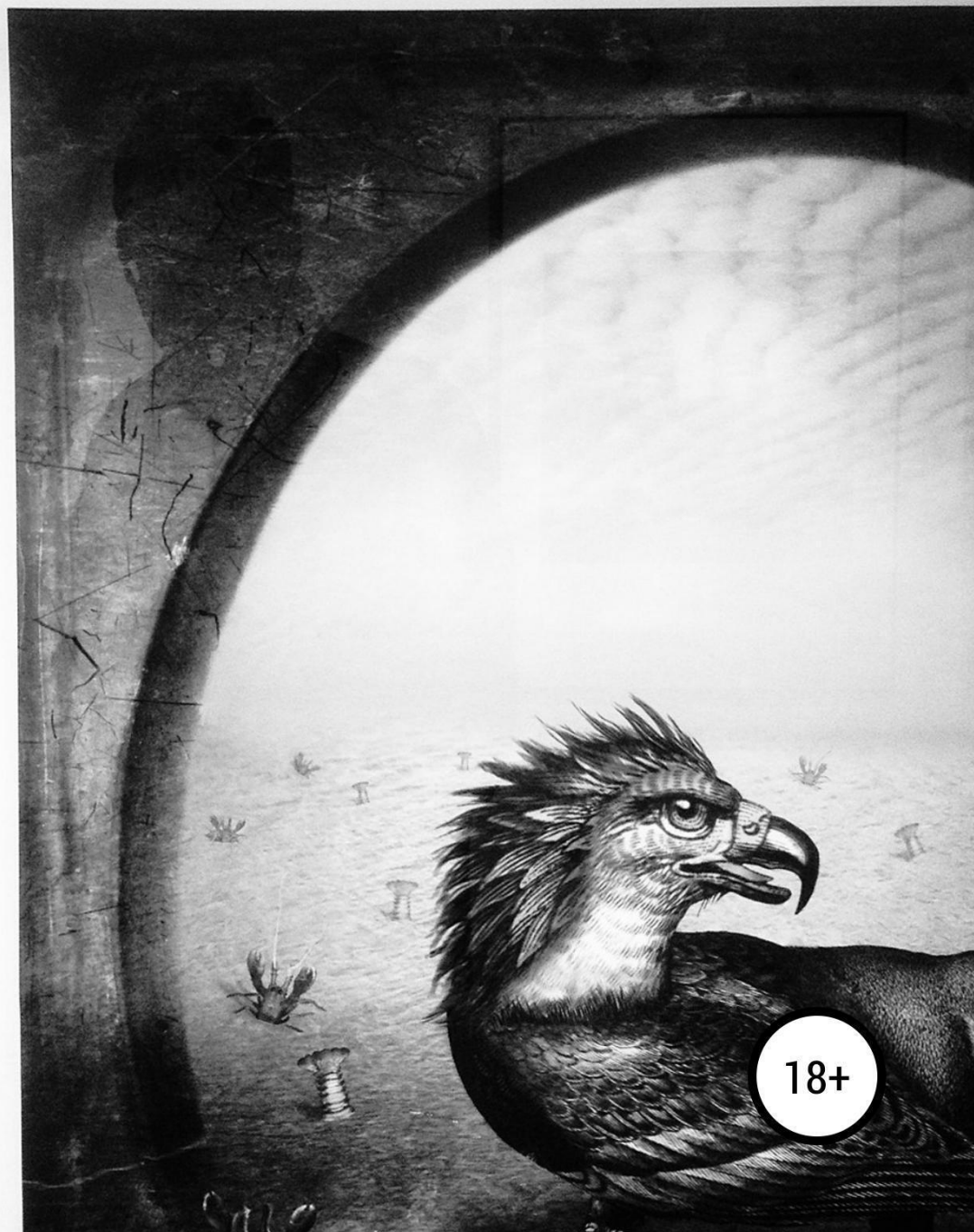

Мирон Высота

Пельменная номер восемь

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Мирон Высота

Пельменная номер восемь

«Автор»

2022

Мирон Высота

Пельменная номер восемь / Мирон Высота — «Автор», 2022

Игра в слова и смерть в обеденный перерыв. Три товарища увлечены игрой в синонимы и эвфемизмы, поедая пельмени. Содержит нецензурную брань.

© Мирон Высота, 2022

© Автор, 2022

Мирон Высота

Пельменная номер восемь

Солнце настойчиво ломилось в пыльные витрины. Огромная кастрюля исходила жарким паром. Вода в ней клокотала и бурлила. Вокруг стоял тяжелый пельменный дух.

– Двойную, – сказал Завьялов и утер со лба пот.

Крепкая, широкая тетка в косынке и белом халате отмерила двойную. Завьялов ухватил покрепче тарелку и направился в самый угол, где были стоячие места. Подошвы неприятно липли к драному линолеуму.

Завьялов аккуратно приземлил тарелку на столешницу, сам облокотился локтями, навалился, и высокий стол дрогнул, а Завьяловская тарелка поехала, ударившись бортом о соседнюю.

– Да, блин. Че опять шатается? – недовольно спросил Завьялов Едакова.

Едаков молчал и протирал салфеткой очки. Очки были старые, большие, одна душка перетянута лейкопластырем. Едаков шевелил пальцами осторожно. Словно боялся выдавить стекла.

Завьялов цыкнул зубом, взял последнюю чистую салфетку, сложил пополам, потом еще, и еще, и еще. У него были сильные пальцы – черные, с въевшейся в кожу сажей, которую не брало никакое мыло, поэтому он, казалось, мог складывать салфетку до бесконечности, но добившись от салфетки идеального квадрата, Завьялов нагнулся и сунул ее под ножку стола. Подергал – тот стоял, как влитой.

– Подвиньтесь–ка, – подошел Туманский и последовательно выставил шесть стаканов – три со сметаной, три с водкой.

– Идеальное, безусловно, место, – сказал Туманский, выудив из кармана россыпь вилок и ложек. – Идеальное. Заметь, ничего лишнего. Стульев нет, что способствует мобильности трафика. В окно ниче не видно из–за слоя пыли и грязи. Еще это солнце поганое. Люди тут не задерживаются. Съел, выпил, ушел. Вернее выпил, съел, ушел, да. И потом, пельмени сами по себе супереда. Сытно, просто, понятно.

– Патриотично, – заметил Завьялов.

– Да, – продолжал Туманский. – Хочешь, бери их с бульоном. Вот тебе и суп. Раз в сутки, как известно, суп должен быть в желудке. Лепят тут же, варят в общем котле, сорт всего один. Пельмень обыкновенный. Тесто и фарш с мясом. Из мяса. Это, между прочим, объединяет, потому как не дает нам выбора. Что такое выбор? Обособление. Мелкотравчатый изоляционизм. И эгоизм к тому же. Распад и расслоение. А тут все вместе, все как один.

– Проходили, – сказал Едаков. Он уже протер очки, водрузил их на нос и теперь мазал горчицей пельмени в тарелке. Подразумевалась, что горчица должна была быть в баночке, стоящей тут же на столе. Вилка Едакова скоблила по дну, засохшая горчичная корка по краям крошилась. Едаков старался, как мог, но горчицы осталось кот наплакал.

Туманский небрежно отмахнулся.

– Не про то речь! Простота! К пельменям ты можешь взять только сметану и водку. Даже чая нет – и это верное маркетинговое решение, скажу я тебе! Зачем, спрашивается, занимать кастрюлю под чай или место на плите, тратить усилия на производство никому не нужного, копейного чая, когда здесь такой конвейер.

Туманский обвел рукой пространство. В наполненном солнцем зале стояло две очереди мужиков. Одна на кассу, другая к раздаче. Редкие мухи липли к бумажным полоскам, что серпантинном свисали с потолка.

– Вот, – Туманский ткнул пальцем на соседний столик. Стоявший там плюгавенький мужичок в клетчатой рубахе вздрогнул и интуитивно укрыл кургузой рукой тарелку. – Двойная, двести сметаны, сто водки. Так?

– Еще хлеб. Два куска, – прохрипел мужичок.

– Хлеба–то мы и не взяли, – сказал Едаков.

– Давайте уже начнем? А то мне на смену еще. – Завьялов наколот на вилку первый пельмень и отправил его в рот. Пельмень взорвался горячим бульоном – обжег и провалился по пищеводу внутрь.

– Ну, давай! – воскликнул Туманский.

Товарищи подняли стаканы, чокнулись, дружно ополовинили и начали закусывать. Едаков тщательно дул на выбранный пельмень прежде, чем съесть. Туманский сначала перчил красным перцем, потом черным, потом с ожесточением совал пельмень в сметану, как будто это был не пельмень вовсе, а, например, меч, и только потом откусывал от него, отстраняясь и поливая соком, выливающимся из пельменя тарелку и все вокруг нее. Завьялов же просто колол вилкой первый попавшийся пельмень и совал его в рот. Колол и совал.

– Фух, – сказал через какое–то время Едаков. И промокнул смятой салфеткой выступивший на лбу пот.

– Ну–с, что у нас на повестке? Какое такое слово? – спросил Туманский.

– Я предлагаю умереть, – сообщил Едаков.

Туманский откусил от очередного пельменя и стал тщательно жевать.

– А что? Хорошо, – сказал он наконец. – Есть возражения?

Завьялов отрицательно покачал головой.

– Кто у нас начинает?

Завьялов ткнул пальцем в Едакова.

– Собственно, умереть, – сказал Едаков.

– Давайте, сначала допьем, – предложил Туманский. Товарищи допили оставшуюся в стаканах водку.

– Вспомнил, – сказал вдруг Завьялов. Он сосредоточенно рассматривал солнечную стену на месте витрины. Пыль на стеклах давала странный эффект, улицу было не видно – только яркое, бьющее по глазам пятно во всю ширь витрины. – Не идеальное место. Хреновины нет. Пельмени лучше всего с хреновиной идут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.